

***ТЕТЕНКОВ Николай Борисович**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 46 научных публикаций, в т. ч. двух монографий, одного учебного пособия**

ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ДИССЕРТАЦИИ С. КЬЕРКЕГОРА «О ПОНЯТИИ ИРОНИИ С ПОСТОЯННОЙ ССЫЛКОЙ НА СОКРАТА»

В статье рассматриваются особенности кьеркегоровской интерпретации понятия «субъективность» в его магистерской диссертации: если традиционная интерпретация связывает субъективность с понятием воли как негативного понятия, то для Кьеркегора понятие «субъективность» нейтрально. Он связывает его с понятиями «мировоззрение», «свобода воли», «долг», «ответственность». Впервые субъективность в исторической действительности проявляется в иронии у Сократа. Ироник возникает в кризисные моменты истории, когда перед человеком встает проблема самоидентификации. Ироник вырван из исторической действительности, он оказывается «между» двумя действительностями. Критическое отношение ироника к действительности порождает его свободу и возможность выбора. Кьеркегор различает метафизическую и сдержанную иронию: 1) метафизическая ирония отрицает всю действительность, в то время как сдержанная ирония отрицает только историческую действительность, которая утратила право на существование; 2) метафизическая ирония возможна только для Бога-ироника, но не для человека, – человек может выразить себя только в сдержанной иронии; 3) метафизическая ирония основана на тождественности мышления и существования, но такое тождество возможно только для Бога, сдержанная же ирония основана на утрате тождественности, расколотом субъекте. Ирония в диссертации С. Кьеркегора рассматривается не как эстетическая категория, не как контемплиция, а как форма существования. В каждой из форм существования – эстетической, иронической, этической, юмористической и религиозной – субъективность проявляется по-разному. Ироник – это одна из форм выражения субъективности, которая зависит от ценностных установок иронического мировоззрения.

Ключевые слова: *С. Кьеркегор, Сократ, метафизическая ирония, сдержанная ирония, утрата тождественности, расколотый субъект.*

*Адрес: 163006, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4; e-mail: tenibo@yandex.ru.

Для цитирования: Тетенков Н.Б. Понятие субъективности в диссертации С. Кьеркегора «О понятии иронии с постоянной ссылкой на Сократа» // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 6. С. 108–114. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.108.

Понятие «субъективность» мы встречаем у С. Кьеркегора в его магистерской диссертации «О понятии иронии с постоянной ссылкой на Сократа», в которой субъективность определяется через иронию: «Ирония – это первое и наиболее абстрактное определение субъективности»¹.

Такое определение сразу порождает вопросы. Рассмотрим три из них:

1) почему именно в иронии и только ли в иронии проявляется субъективность?

2) какие особенности ироника позволили проявиться в нем субъективности?

3) когда возникает сам ироник?

Начнем отвечать с третьего вопроса. По С. Кьеркегору, ироник возникает в поворотные моменты истории, когда старая действительность сталкивается с новой, т. е. во время смены эпох. Первое появление ироника и проявление субъективности С. Кьеркегор связывает с Сократом, т. к. Сократ, по мнению С. Кьеркегора, был чужд «греческости» и, уничтожая ее, использовал иронию.

Исходя из этого, можно выделить первую особенность ироника: ироничный субъект не принадлежит только старой действительности – настоящему, он обращен к будущему: «Он борется за новое, он стремится уничтожить то, что представляется ему отжившим, но его цель состоит не столько в уничтожении старого, сколько в осуществлении нового, и тем самым, косвенно, в уничтожении старого»². Для ироника характерно темпоральное сопряжение: он не живет только в настоящем, т. к. прошлое и настоящее чужды ему, он обращен к будущему, являющемуся задачей, которую необходимо исполнить. Таким образом, будущее, а не настоящее задает смысл его жизни.

Иными словами, ироник возникает в кризисный момент истории, когда перед человеком встает проблема самоидентификации: отчаяние делает человека философом. Здесь необходимо также отметить, что ироник вырван из обыденности – он оказывается «между» двумя действительностями.

Эта идея С. Кьеркегора была подхвачена и развернута М. Бахтиным в работе «Автор и герой в эстетической деятельности»: «Мое определение самого себя дано мне (вернее, дано как задание, данность заданности) не в категориях временного бытия, а в категориях еще-не-бытия, в категориях цели и смысла, в смысловом будущем, враждебном всякой наличности моей в прошлом и настоящем. Быть для себя самого – значит еще предстоять себе» [1, с. 186–187].

Таким образом, отвечая на второй вопрос, к существенным особенностям ироника можно отнести критическое отношение к действительности, свободу и возможность выбора.

С. Кьеркегор отмечает: «В иронии субъект негативно свободен; действительности, которая должна наполнить его содержанием, не существует, он свободен от тех уз, которыми связывает субъекта данная действительность; но он негативно свободен, а потому неустойчив, и положение его зыбко, так как ничто его не держит. Именно эта свобода, эти неустойчивость и зыбкость вдохновляют иронизирующего, он опьянен безграничностью выбора...»³.

Ироник, противопоставляя себя действительности, обретает негативную свободу, т. к. действительности, что должна заполнить его существование содержанием, не существует, и, соответственно, ироник свободен от действительности. Важным условием является и осознание человеком собственной ироничности, силы и правомочности своей иронии, что позволяет ему быть чуждым действительности, уже утратившей историческую значимость. С. Кьеркегор подчеркивает, что ироник отрицает не всю действительность, а именно действительность, существующую в определенное историческое время, уже отжившую и утратившую право на существование.

Более детальный анализ негативной и позитивной свободы (свободы «от» и свободы «для») можно найти у Э. Фромма в «Бегстве

¹Кьеркегор С. О понятии иронии: пер. с дат. А. Косыковой, С. Косыкова // Логос. 1993. № 4. С. 179.

²Там же. С. 177.

³Там же. С. 178.

от свободы» [2]. С. Кьеркегор же подчеркивает, что в сдержанной иронии свобода приобретает и позитивный характер и открывает для ироника возможность творчества, созидания собственной, частной жизни: «Тому, кто совсем не понимает иронии <...> тому не достает того, что в отдельные минуты крайне необходимо для частной жизни, – купели обновления и омоложения, очистительного крещения иронии, которое вызволяет душу из конечности ее жизни, какой бы наполненной она ни была...»⁴, т. е. свобода дарует ироннику в т. ч. и безграничную возможность выбора самого себя. Он может теоретически осмыслить и представить себе возможные формы собственного бытия, как сделал это сам С. Кьеркегор при помощи концептуальных персонажей.

Необходимо отметить также, что, хотя в диссертации даже ирония Сократа трактуется в негативном романтическом духе, с нашей точки зрения, прав В. Янкелевич, когда говорит о позитивности кьеркегоровской иронии [3, с. 335].

На отличие от романтической иронии указывает и то, что на первый план у С. Кьеркегора выходит ответственность, о которой романтическая ирония ничего не говорит: «Для того, чтобы действующий индивид смог решить задачу реализации действительности, он должен чувствовать себя звеном в общей цепи, он должен ощущать груз ответственности, должен чувствовать и уважать соседствующие с ним звенья»⁵. Тем самым фактически С. Кьеркегор выстраивает в своей диссертации и этическую онтологию человеческого бытия.

Другим отличием от негативной романтической иронии является то, что С. Кьеркегор при определении ироника отказывается от фихтевского метафизического «Я». Фихте, по С. Кьеркегору, сделал мышление бесконечным, соответственно, субъективность у Фихте стала абсолютной отрицательностью. Фактически такое мышление и такая субъективность возможны

только для Бога-ироника, но не для человека: «...не дано человеку разъединить то, что соединено Богом, так не соединить ему и того, что Богом разъединено; а подобное болезненное стремление – это попытка достичь совершенства раньше срока»⁶.

В метафизической иронии Фихте С. Кьеркегор видит два затруднения: конечное «Я» подменили метафизическим «Я», историческую действительность – метафизической. Историческая действительность дана человеку: 1) как дар, от которого невозможно отказаться, и 2) как задача, которую он должен исполнить. Дар подразумевает законность прошлого для человека, но метафизическое «Я» лишено прошлого или конструирует прошлое по собственному желанию.

У человека есть задача, которую он стремится исполнить, но подобной задачи нет у метафизической иронии, т. к. отсутствие задачи – необходимое условие поэтической жизни ироника, стремящейся обратиться в ничто. Ироник творит свой мир, но это эстетический мир возможностей и условностей, бесконечной смены настроений, которые сведутся к одному фундаментальному настроению – скуке.

Отвергая метафизическую иронию и предлагая вместо нее понятие «сдержанная ирония», С. Кьеркегор погружает иронию и вместе с ней ироника в историческую действительность. Соответственно, исчезает тождество «Я = Я». Ироник предстает в этом случае как «Я», вечно не совпадающее с самим собой и, соответственно, теряет субстанциональность, характерную для картезианской парадигмы. Сдержанная ирония, по С. Кьеркегору, ограничивает и тем самым сообщает истинность, действительность: «Сдержанная ирония не полагает, подобно некоторым умникам, что за феноменом постоянно что-то должно скрываться; но она препятствует и всякому обожествлению феномена; она учит брать во внимание контемпляцию, но при этом оберегает от неоправданного преклонения перед ней,

⁴Кьеркегор С. Указ. соч. С. 196.

⁵Там же. С. 197.

⁶Там же. С. 196.

которое полагает, что для того, чтобы дать представление, например, о мировой истории, необходимо такое же время, какое понадобилось миру, чтобы прожить ее»⁷.

М. Бахтин определяет эту ситуацию как правое безумие принципиального несовпадения с самим собой данным: «Я не принимаю своей наличности; я безумно верю в свое несовпадение с этой внутренней наличностью. Я не могу себя сосчитать всего, сказав: вот я весь, и больше меня нигде нет и ни в чем нет, я уже емь сполна» [2, с. 190]. Субъект, по С. Кьеркегору, в своей структуре всегда расщеплен, не случайно он обращается в «Несчастнейшем»⁸ к феномену, который Г.В.Ф. Гегель в «Феноменологии духа» обозначил как этап движения к абсолютному духу – феномену «несчастливого сознания», который и выражает двойственность субъекта.

Гегель определял несчастное сознание как сознание о себе как о двойственном и противоречивом существе. «Несчастье» его в том и заключается, что оно несет в себе две чуждые друг другу сущности – простое неизменное сознание и сложное переменное сознание: «...само оно, будучи сознанием этого противоречия, становится на сторону переменчивого сознания и есть для себя несущественное; но как сознание неизменности или простой сущности оно должно в то же время стремиться освободить себя от несущественного, т. е. от себя самого» [4, с. 181]. Лишь уничтожив дуализм внутри себя (а Гегель всегда враждебно относился к дуализму, предпочитая ему простую субстанцию), личность обретает единство потустороннего и посюстороннего мира. Таким единством у Гегеля становится разум. С. Кьеркегор же в «Несчастнейшем» анализирует варианты «несчастливого сознания» на примере личности воспоминания, надежды и т. д. и делает вывод, что расщепленное сознание не имеет того негативного смысла, которое Гегель вкладывал в определение «несчастное сознание».

Эта двойственность сохраняется и при описании иронии как конфиниума – промежуточной области между эстетической и этической стадиями человеческого бытия: «Ирония есть единство этической страсти, которая заключена в своей интенсивности, бесконечно концентрируется на собственное эго, и культуры, которая с внешней стороны (благодаря общению с другими людьми) неограниченно извлекает из этого же эго (второе происходит таким образом, что никто не ощущает первого, в этом то и заключается фокус, и этим ограничивается бесконечность первого)» [5, с. 88].

Такое определение иронии приводит нас к ответу на вопрос: почему именно и только ли в иронии проявляется субъективность? Субъективность не является «привилегией» исключительно иронии, она проявляется во всех формах человеческого бытия, причем несет в себе мировоззренческие установки формы, к которой она принадлежит.

С. Кьеркегор использует понятие «ирония» в нескольких значениях:

- 1) в качестве эстетической категории;
- 2) конфиниума – промежуточной области между эстетической и этической стадиями человеческого бытия;
- 3) самостоятельной стадии человеческого бытия.

В магистерской диссертации С. Кьеркегора мы сталкиваемся именно с такой многозначностью: в ней речь идет как минимум о двух видах иронии и, соответственно, субъективности.

Один вид иронии, а именно метафизическая ирония, несет в себе субъективность эстетической формы бытия, она «царствует» в мире возможности, для нее характерны «отречение» от исторической действительности, свобода и возможность выбора. Она существует в сфере мышления, где можно выбрать себе любой образ по желанию и по желанию же поменять его на любой другой, практическое выражение такая субъективность получает в поэтическом творчестве.

⁷Кьеркегор С. Указ. соч. С. 197.

⁸Кьеркегор С. Несчастнейший. М., 2002.

Второй вид иронии, которую С. Кьеркегор определяет как «сдержанную иронию», соответствует субъективности этической формы человеческого бытия, которая апеллирует к понятиям «ответственность» и «долг», возвращает человека в историческую действительность, тем самым переходя в сферу существования, сферу экзистенции.

В диссертации С. Кьеркегор не всегда уточняет, в каком значении используется понятие «ирония», что усложняет работу читателя: ему приходится самому догадываться, какой смысл вкладывает С. Кьеркегор в данном конкретном случае при использовании понятия иронии (в последующих работах он уже указывает, с точки зрения какого мировоззрения высказывается мысль и в каком значении используется понятие).

Таким образом, субъективность проявляется в исторической действительности благодаря свободе и выбору. В диссертации это ключевые понятия, которые С. Кьеркегор связывает с понятием «субъективность». Понятия «долг» и «ответственность» он связывает с этической и религиозной формами человеческого бытия.

Перед нами оригинальная трактовка понятия «субъективность» датского философа в его диссертации «О понятии иронии с постоянной ссылкой на Сократа». Такой вывод мы делаем на следующих основаниях. В философии XVII–XIX веков в понимании субъективности можно выделить несколько априорных положений:

1. Традиционно в европейской философии Я определялось как субстанциональное Я. Исходя из субстанционального Я, определялось и понятие субъективности, но необходимо отметить, что уже в эту эпоху наблюдается переход к пониманию Я как несубстанционального Я. Если Р. Декарт понимает человека как субстанцию, субъект, то уже Б. Спиноза, относящий понятие субстанции только к Богу, отказывается в праве называть человека субстанцией, а также и субъектом, т. к. в идеале человек должен слиться с Богом, утрачивая собственное Я. Подобный процесс можно проследить и в англий-

ской философии того периода: у Дж. Локка мы наблюдаем критику понятия субстанции, а значит, и субстанциональности Я. В дальнейшем эта критика будет все более радикализироваться, вплоть до полного отрицания понятия субстанции.

С. Кьеркегор также критикует отождествление человека с Богом, субъекта с объектом, внутреннего с внешним, тем самым он понимает человека не как субстанцию, а как экзистирующий дух.

2. Особенностью традиционного понимания субъективности являлась негативная трактовка этого понятия. Так, Г.В. Лейбниц использует определение «дурная субъективность», выделяя в ней три модуса, где первым модусом является «ленивый разум», вторым – безразличная воля, третьим – злая воля [6, с. 198].

У С. Кьеркегора понятие «субъективность» утрачивает негативную оценочность.

3. Субъективность связывалась с волей, и ей противопоставлялось самосознание, в котором тождественны мышление и воля, причем акцент делался на негативных проявлениях воли, хотя имплицитно был заявлен и другой ход мысли: именно добрая воля позволяет человеку удерживаться в границах разума, кроме того, воля может проявляться и в действиях, безразличных к добру и злу.

Как мы указывали ранее, в магистерской диссертации С. Кьеркегор связывает понятие не с волей, а со свободой и выбором, оспаривает он и тождественность воли и разума, т. к. такое тождество возможно для Бога, но не для человека.

4. Трактовка Я как субстанционального Я подразумевала, что понятие «субъективность» рассматривается с точки зрения вечности, в то время как датский философ в диссертации рассматривает субъективность с точки зрения временности. Такой подход также приводит к «утрате» тождественности, возникновению расщепленного, или расколотого, субъекта. Подобную идею мы можем наблюдать уже в философии И. Канта, когда он вводит время в сознание, а далее Ж. Делез в «Различии и повторении» [7]

будет развивать идею о расколотости и темпоральности субъекта, предлагая, в свою очередь, собственную теорию субъективности.

Стоит отметить, что в отечественной философии кьеркегоровские идеи множественности

и идентичности получили свое развитие в работах Е.О. Труфановой [8], И.А. Жеребкина [9], Е.Г. Трубина [10] и др., среди зарубежных философов – у М. Вайда [11], М. Таст [12], М. Тейлор [13], Р. Шейна [14] и др.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев, 1997.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2004.
3. Янкелевич В. Ирония. Прощение. М., 2004.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 2008.
5. Басс И. Серен Кьеркегор. Жизнь. Философия. Христианство. СПб., 2004.
6. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении // Лейбниц Г.В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 2.
7. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
8. Труфанова Е.О. Единство и множественность Я. М., 2010.
9. Жеребкина И.А. Субъективность и гендер. Гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. М., 2007.
10. Трубина Е.Г. Рассказанное Я: отпечатки голоса. Екатеринбург, 2002.
11. Vajda M. Die Krise der Kulturkritik: Fallstudien zu Heidegger, Lukács und anderen. Wien, 1996. 205 S.
12. Thust M. Søren Kierkegaard. Der Dichter des Religiösen. München, 1986. 126 S.
13. Taylor M. Journeys to Selfhood. Hegel & Kierkegaard. Los Angeles; London, 1980. 298 p.
14. Shain R. Situating Derrida: Between Kierkegaard and Hegel // Philosophy Today. 2000. Vol. 44, № 4. P. 388–403.

References

1. Bakhtin M.M. *Raboty 20-kh godov* [Works of the 1920s]. Kiev, 1997.
2. Fromm E. *Escape from Freedom*. Farrar & Rinehart, 1941 (Russ. ed.: Fromm E. *Begstvo ot svobody*. Moscow, 2004).
3. Jankélévitch V. *Ironiya. Proshchenie* [Irony. Forgiveness]. Moscow, 2004.
4. Hegel G.W.F. *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Moscow, 2008.
5. Bass I. *Seren K'ergegor. Zhizn'. Filosofiya. Khristianstvo* [Søren Kierkegaard. Life. Philosophy. Christianity]. St. Petersburg, 2004.
6. Leybnits G.V. *Novye opyty o chelovecheskom razumenii* [New Essays on Human Understanding]. Leybnits G.V. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected Works: In 4 Vols.]. Moscow, 1983. Vol. 2.
7. Deleuze G. *Différence et répétition*. PUF, 1968 (Russ. ed.: Delez Zh. *Razlichie i povtorenie*. St. Petersburg, 1998).
8. Trufanova E.O. *Edinstvo i mnozhestvennost' Ya* [The Unity and Multiplicity of Self]. Moscow, 2010.
9. Zherebkina I.A. *Sub'ektivnost' i gender. Gendernaya teoriya sub'ekta v sovremennoy filosofskoy antropologii* [Subjectivity and Gender. Gender Theory of the Subject in Modern Philosophical Anthropology]. Moscow, 2007.
10. Trubina E.G. *Rasskazannoe Ya: otechatki golosa* [The Spoken Self: The Imprint of the Voice]. Yekaterinburg, 2002.
11. Vajda M. *Die Krise der Kulturkritik: Fallstudien zu Heidegger, Lukács und anderen*. Vienna, 1996. 205 p.
12. Thust M. *Søren Kierkegaard. Der Dichter des Religiösen*. Munich, 1986. 126 p.
13. Taylor M. *Journeys to Selfhood. Hegel & Kierkegaard*. Los Angeles, London, 1980. 298 p.
14. Shain R. Situating Derrida: Between Kierkegaard and Hegel. *Philosophy Today*, 2000, vol. 44, no. 4, pp. 388–403.

Nikolay B. Tetenkov

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163006, Russian Federation;

e-mail: tenibo@yandex.ru

**THE CONCEPT OF SUBJECTIVITY IN S. KIERKEGAARD'S THESIS
ON THE CONCEPT OF IRONY WITH CONTINUAL REFERENCE TO SOCRATES**

This article discusses Kierkegaard's interpretation of the concept of subjectivity in his master's thesis. While the traditional interpretation links subjectivity to the will as a negative concept, Kierkegaard considers subjectivity to be neutral. He links it with the concepts of worldview, free will, duty, and responsibility. For the first time subjectivity in historical reality is found in Socrates' irony. The ironist appears at the moments of crisis in history, when a person faces the problem of self-identification. The ironist is taken out of historical reality and finds himself between two kinds of reality. His critical attitude to reality creates freedom and a possibility of choice for him. Kierkegaard distinguishes between metaphysical and restrained irony: 1) metaphysical irony denies the entire reality, while restrained irony denies only historical reality that has lost its right to existence; 2) metaphysical irony is possible only for God-ironist, but not for humans: people can express themselves only in restrained irony; 3) metaphysical irony is based on identity of thinking and being, but such identity is possible only for God, while restrained irony is based on the loss of identity, on a divided subject. In Kierkegaard's thesis, irony is neither an aesthetic category or contemplation, but a form of existence. In each of the forms of existence – aesthetic, ironic, ethical, humorous, and religious – subjectivity is reflected in different ways. The ironist is one of the forms of expressing subjectivity, which depends on the value system of the ironic worldview.

Keywords: Kierkegaard, Socrates, metaphysical irony, restrained irony, loss of identity, divided subject.

Поступила: 22.06.2016

Received: 22 June 2016.

For citation: Tetenkov N.B. The Concept of Subjectivity in S. Kierkegaard's Thesis *On the Concept of Irony with Continual Reference to Socrates*. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, no. 6, pp. 108–114. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.108.